

ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕКА?

*Неужели я снова увижу себя целостным –
Я – чаша, тысячекратно раздроблена?*

Григор НАРЕКАЦИ

Умножение антропологических версий и экзистенциальная абсолютизация бытия каждого человека, отсутствие универсального методологического основания и метода, упорядочивающего массу фактов, препятствуют созданию образа “прозрачного человека”.

В настоящее время синтез знаний о человеке выдвигается “в разряд глобальных первопроблем цивилизации”. Философский энтузиазм и эвристическая аргументация несколько ослабляют давний скепсис относительно единой науки о человеке, однако на пути оптимистического интегрирующего гносеологизма выступает едва ли преодолимым препятствием проблема выбора объединяющего единого смыслового основания. Таковое предположительно можно видеть, например, в триадах “биосоциокультура”, “сома-психея-пневма”, “индивидуальность-личность”, в иерархии ценностей “материальное-интеллектуальное-духовное-сверхъестественное”, в фильтрах “очистительного” инстинкта в оригинальной концепции происхождения культуры М. Эпштейна и т.д. Но ни одна из названных и иных триадных, тетрадных и прочих когнитивных опор не может, как оказывается, при проверке на интегративность и “комплексность”, притязать на статус универсального основания для полного и целостного познания человека. Усложняет эту проблему также обилие признаков и слов с размытостью смыслов, которые отражают свойства человека [8; 134].

Своеобразие человека можно трактовать как его особую социальность, в которой он многое приобретает. Он же и немало теряет, починаясь инстинктам своей природы, и потому попадает в конфликт сознания с бессознательным. Углубить понимание сущности человека помогают представления уникальности его коммуникативности, созидательной деятельности и самосозидания, его темпоральности и “мужестве быть собой”, цельным и неповторимым. Можно видеть в человеке “еще не определившееся животное” (Ф. Ницше), открытое миру неориентированное существо, которым можно манипулировать; существо неопределенное – в неопределенности его поведения, мыслей, действий и поступков, которая в современной западной философии осмысливается как “бытие-между” (С. Кьеркегор), “анонимные силы” (К. Ясперс), “ускользание и абсурдность” (А. Камю), “неукорененность в бытии” (М. Хайдеггер), “полумгла и бесконтрольность сознания” (К. Юнг), “теоретический плюрализм и борьба альтернатив” (П. Фейерабенд) и т.п. Человек предстает также как существо

заблуждающееся, слабое, несовершенное, нерациональное, неумеренное, универсальное, стремящееся к почету, высоким ценностям, к трансгрессированию, способное к разделению сущности и существования, имеющее особую телесность и т.д. В нем можно находить все новые и новые качества, видеть в нем “средоточие всех земных добродетелей” или “ошибку природы”. Однако никто не может заявить об исчерпанности знания о нем.

Самопознающий человек множит презумпции и предикации, сущностные дефиниции и амбивалентные коннотации, восходя в самопознании “от моносущности к полисущности” (В.Г. Табачковский) и “растворяясь” в многообразных антропологических версиях. Прогрессирующая “надприродность” современного цивилизованного человека (или постчеловека) делает его “ускользающим” от познания и отставляет в неопределенное будущее выработку его целостного философского образа, энергичные попытки создания которого предпринимались в свое время Э. Ротхакером и М. Ландманом [8; 135]. Сеют сомнения относительно возможности возникновения “целостного” знания о человеке и переживаемые сегодня антропологической мыслью “кризис понимания” и “кризис предмета”. Последний, – пишет С.С. Хоружий, – “состоит даже не столько в новых деструктивных явлениях (хотя они изобилуют), сколько в обнаружившейся огромной нестабильности человека, возможности любых радикальных изменений с ним, в его подверженности какой-то неведомой, быть может, катастрофической динамике” [15; 52]. Возможно, поэтому последняя треть XX века отмечена самыми неприятным социально-антропологическими констатациями, такими как техногенный сдвиг в экосистеме Земли; прогрессирующее людское самоистребление, удручающий контраст между достатком “золотого миллиарда” и нищетой миллионов. И нелегко однозначно утвердительно ответить на вопрос, смогут ли люди в дисциплинарном пространстве “наук о духе”, среди которых центральной является философская антропология, понять закономерности и необходимости своего существования [10; 48].

Специальные науки, – писал М. Шелер в “Положении человека в Космосе”, – занимающиеся человеком и все возрастающие в своем числе, скорее скрывают сущность человека, чем раскрывают ее. Да и нелегко привести к единству сложный психотелесный состав человека, который и очень ограничен и бесконечен, и мало вместителен и может вместить всю вселенную; который включает в себе все и актуализирует лишь немногое [1; 48-49]. И в своих интерпретациях универсума наука, по-видимому, мало интересовалась человеком, поэтому человечество всегда, наверное, понимало небо лучше, чем себя. Дифференциация наук, изучающих человека, продолжается; углубленно изучаются отдельные части, вычленяются все новые и новые элементы, выявляется многообразие их проявлений и взаимосвязей. Увлечение этой “пропедевтикой” таит опасность утраты представления о целом.

Homo sapiens все более “разбирается” по ведомствам отдельных научных дисциплин. Исследователи, работающие в конкурирующих между собой направлениях, с недоверием относятся к иному знанию, что препятствует трансдисциплинарной унификации всех частных аспектов. Все еще нет метода, упорядочивающего массу фактов для искомого концептуального единства, говорил М. Шелер в 1928 году. Нет такого метода и сейчас, и вряд ли он появится в настоящей ситуации убыли пиетета к scientismу. Отдавая должное науке, следует признать, что куда более высокой ценностью является жизнь людей с ее ненаучным, нравственным, эстетическим, религиозным и иным опытом, в целом составляющим гуманитарную культуру и задающим человекосоразмерную доминанту бытийности людей. Жизнь не подвластна расчленяющей деятельности научного рассудка. Наука не равна всему знанию. Она – не все знание. Знание не может быть редуцировано к науке. Наука – “подраздел познания” (Ж.Ф. Лиотар). Для многомерного и целостного понимания человека необходим также опыт неявного (практического) знания, интуитивного и поэтического видения, эмоциональных коннотаций, визионерского сознания, медитаций, молитвы и мечты.

Актуальной является и мера математизации как реализации стремления современной науки к числу и символу в изучении столь переменчивого, “текущего” и эксцентричного объекта, каковым является человек. “Человеческое ускользает от физико-математического разума” (Х. Ортега-и-Гассет). В этой связи уместны неприязнь Р. Декарта к опустошенному числу и разочарования Б. Паскаля в математике как инструменте истинного учения о человеке. “Философии, – писал Н.А. Бердяев в “Смысле творчества”, – надо освободиться от “кошмара математического естествознания”. Будущее принадлежит не Когену – этой последней попытке абсолютизировать и математизировать научное знание, а Бергсону, глубокомысленно и революционно отвергшему математику”.

Унифицировать, формализовать, логизировать и “понятизировать” все “человеческое” невозможно и, пожалуй, не нужно. “Есть в человеке такие вещи, – отмечает В.Л. Рабинович, – которые, может быть, его и определяют как некую ценность и куда науке, пожалуй, нос совать не следует. Для этого есть искусство, есть литература, есть религия. Эти области и формируют образ человека, причем много образов – следовательно, много объектов для научного исследования. Эти идеальные образы как бы толпятся, вытесняя друг друга” [7; 50]. “Человеческий ландшафт усеян разнообразием”, и потому попытки создания “единоправильной рационализированной концепции человека” оказываются неуспешными. Они наталкиваются на глубинные противоречия в экзистенциальных основаниях человеческого бытия. Можно очертить проблемное поле единой науки о человеке (включив в него проблемы методологические, мировоззренческие, аксиологические, проблему социокультурных влияний на исследование), но комплексное исследование человека не более доступно, чем комплексное исследование

океана [7; 50-51]. Человек – многоуровневая неравновесная самоорганизующаяся система, могущая быть в ситуации бифуркации, его развитие могут определять флуктуации. Он “текуч”, экзистенциально темпорален, и потому весьма проблематично “ухватить” его целостный завершённый образ. Продуктивным может представляться, пишет В.П. Зинченко, подведение итогов центростремительных тенденций в изучении человека с использованием опыта художественного познания человека, философии, целостного изучения ребенка, комплексного изучения человека в труде, страдающего человека в медицине, опыта физиологии, неврологии, психоанализа, психосинтеза, религиозного опыта освоения феномена человека [4, 7-8]. Но интеграция будет подлинной, если элементы системы “Человек” объединяются на едином смысловом основании (какового еще нет). Умножение же парадигм видения человека (он телесный, духовный, рациональный, иррациональный и т.д.) обогатит мозаику философской антропологии, в которой человек осмысливается как эволюционирующая биосоциокультурная целостность, открытая миру и несущая в себе имманентную творческую активность.

Можно сделать допущение, что проблема единой науки о человеке – это проблема маргинальная, и потому не требующая интеллектуального синергического штурма. Более плодотворной, по мнению П.Д. Тищенко, может представляться не виртуальная идея синтеза знаний, а междисциплинарная кооперация для контингентных решений – решений для отдельных ситуаций, без притязаний на поиск последнего основания для единой теории человека (к чему склоняется, например, “непритязательная философия” Ю. Хабермаса [7; 55-56]).

Вместе с тем, в ситуации казалось бы тотального недоверия к идее целостного постижения современного человека – “расщепленного” и “осколочного” – обозначаются и позитивные мнения относительно целостного его осмысления. Так, по мнению В.Г. Борзенкова, предпосылками для единой науки о человеке являются современные данные микро и макрофизики, современная физико-астрономическая картина мира, сформулированный совсем недавно антропный принцип, укорененность самых тонких особенностей человека как духовного существа в его уникальной биологии [7; 49]. Этому способствуют также представления о живом творящем движении, в котором связываются душевные и телесные вибрации (о чем писал В.В. Кандинский); представления о теле как инструменте духа, о взаимосвязи “между телом и душой (духом), в которой исчезает *между*, и мы имеем дело с одушевленной плотью и воплощенным, видимым, осязаемым духом, то есть мы имеем дело с целостным составом человека...” [5; 101]; представления о соответствии между строением тела, темпераментом и индивидуальностью; о психологической связи между смысловой концептуализацией, чувственным восприятием и моторными системами тела. Это подводит к более полному пониманию “химии” и “механики” того,

как формируется речь, интеллект, эмоционально-волевая сфера, личность в целом как биоциокультурная триадность, в синкретизме тела-души-духа.

Попытки построения концепции целостного человека могут опираться и на актуализацию теории универсального эволюционизма с ее представлениями о единстве процессов развития всех сфер бытия и установлении универсальных связей между неживой, живой и социальной материей. К “сбору камней” подвигает также багаж знаний о человеке, накопленных в антропологии, археологии, этнографии, социологии, психологии, этологии на протяжении последних двух веков с помощью феноменологического, дисциплинарного и мультидисциплинарного подходов [11; 67]. По утверждению М.А. Мануильского, “основные позиции в систематизации знаний о человеке уже определены”, поэтому интеграция наук в процессе построения целостного и многомерного образа человека – это задача сложная, но техническая [7; 52]. Ее решению можно помочь, – пишет П.Д. Тищенко, – если “толерантно интегрировать знания и о кинематике движения руки дирижера, и о коре головного мозга, и об особенностях художественного творчества, и о социальных явлениях” [7; 56]. На всеобщий синтез знаний о человеке ориентирована и сложившаяся в последнее десятилетие XX века синергичная антропология с ее опорой на опыт мировых духовных традиций. Есть также мнение, что единая наука о человеке уже есть, и название ей антропология [6; 61-64].

Авторы “Многомерного образа человека” считают, что в деле создания единой концепции целостного человека эвристическим потенциалом обладают методологические разработки, ориентированные на выявление предпосылок синтезирующе-поисковой работы, учет возможностей синергичной интеграции наук о человеке, углубление исследования коэволюционного взаимодействия биосоциокультурных факторов его развития с “обобщением действительно всего материала, имеющего отношение к проблеме” [12; 29] и мн. др. Однако для целостного видения как человека, так и мира, нужен “целостный человек”. Это скорее человек не Запада, а буддийского Востока, воспитанный Металогикой или логикой Целого, освобождающей сознание от одномерности и линейности. Эту логику осваивает и современная синергетика, соединяющая научную точность с художественной интуицией и языком символа [3; 19]. В поисках удовлетворительного нового синтеза знаний о человеке – “самом таинственном и сбивающем с толку исследователей объекте науки” (П.Т. де Шарден) – происходит обращение к восточным религиозно-философским учениям. Углубляется стремление осмыслить и включить в практику иррациональные, персональные и трансперсональные психические компоненты. Подлинная наука, по Э. Гуссерлю, должна включать в себя и религию, не создавая при этом “мозаичную” картину, не преувеличивая автономию отдельных аспектов в “целостном” человеке, а утверждая их онтологическое единство. П. Фейерабенд усматривал в самой науке религиозный институт, который по своему содержанию ничем не отличается

от мифа, колдовства, магии и т.п. Но человека, как и все тела Вселенной, невозможно (и нужно ли?) познать “исчерпывающим образом”. Человек есть многоуровневая неравновесная самоорганизующаяся система, подчиняющаяся всем законам саморазвития и адаптации материальных систем [16; 17]. И коль скоро траектории многих из них нестабильны, то “мы можем делать достоверные предсказания лишь на коротких временных интервалах... По прошествии определенного времени траектория неизбежно ускользает от нас, то есть мы лишаемся информации о ней” [13; 51]. Трансцендентальное (находящееся в системе знания) обращается в трансцендентное (остающееся по ту сторону познания). Но должна ли исследовательская мысль изгонять все трансцендентное? Не ведет ли “докапывание до самой сути” к обесцениванию человека? В нем есть, по видимому, – то таинственное и неподдающееся исследованию нечто, что присутствует и во всей Вселенной, что делает ее упорядоченной и целесообразной, и чему наша жизнь обязана своей ценностью. Тайна человека, по П. Юркевичу, в его сердце. Сердце и душевность противопоставляет он теоретическому и эмпирическому познанию человека, которые не исчерпывают человеческую сущность [14; 184]. Экзистенциалистическая абсолютизация бытия отдельного человека, отождествление его эссенции и экзистенции, интерес к переживаниям, граничным состояниям столь сублимируют проблему природы человека, что, как замечает С. Кьеркегор, уход от дефиниций относительно экзистенциальных понятий свидетельствует о такте.

К “последней тайне” жизни интерпретатор может только приближаться, но не постигать ее до конца (В. Дильтей). Далеко не все, что существует, жаждет попасть в лабораторию ученого. “Во всеохватывающих системах мысли разум стал роковой силой. Способность человека расчленять, препарировать оборачивается бедствием” (П.С. Гуревич). Природа, как экспрессивно выразился Максимилиан Волошин, одурела от пыток, выдавая под микроскопом свои сокровенные тайны. В “незнании” же природы возможно сохранение очарования ее загадочностью. Г. Гачев в “Незнакомке” А. Блока находит такую мысль: “Оберегать Незнание! Оно – “сокровище”, и само придет – отдаться нам, если не лезем его ловить и превращать в Знание и овладевать Силою! Совсем на других путях: любви и благоговения самоотдачи, а не преследования-исследования, к тебе придет Истина...” [2; 75-76].

“Допущение в человеке тайны, – пишет С.Б. Крымский, – делает его более понятным, чем вера в торжество нашей когнитивной модели человека и его сущности. Вот почему преодоление в ходе познания тайн не характеризуется полнотой позитива, то есть сочетает признаки успеха с отрицающим его сомнением. Ведь с уничтожением тайны улечиваются элементы человеческого присутствия в мире, следы бездонности его психики. В ее ликвидации есть дерзость прехождения пределов,

нескромность заглядывания за дозволенное, безоглядность срывания покровов, опасность духовной наготы” [9; 46].

Литература

1. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Мир философии. – Ч. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 48-56.
2. Гачев Г. Русская дума. Портреты русских мыслителей. – М.: Новости, 1991. – 272 с.
3. Григорьева Т.П. Дао – путь к человеку // Человек. – 2003. – № 5. – С. 16-25.
4. Зинченко В.П. Духовное возрождение. Интервью // Человек. – 1990. – № 2. – С. 5-15.
5. Зинченко В.П. Психология на качелях между душой и телом // Человек. – 2005. – № 3. – С. 92-102.
6. Как возможна единая наука о человеке? // Человек. – 2003. – № 6. – С. 59-69.
7. Как возможна единая наука о человеке? // Человек. – 2004. – № 1. – С. 49-60.
8. Косяк В.А. О “плюральности”, иррациональности и специфике человека // Наука. Релігія. Суспільство. – Донецьк: ІПШ, 2006. – № 3. – С. 134-143.
9. Крымский С.Б. Культурно-экзистенциальное измерение познавательного процесса // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 40-49.
10. Манжура В.Н. Быть ли человеку, не будучи доказательно мудрым? // Грани. – 2006. – № 5(49). – С. 44-50.
11. Мануильский М.А. Энциклопедические контуры человека // Человек. – 2005. – № 1. – С. 59-67.
12. Многомерный образ человека. Комплексное междисциплинарное исследование человека. – М.: Наука, 2001. – 237 с.
13. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46-52.
14. Хамітов Н., Гармаш Л., Крилова С. Історія філософії. Проблема людини та її меж: – К.: КНТ, Центр навчальної літератури, 2006. – 296 с.
15. Хоружий С.С. Неотменимый антропиконтур. 1. Контур До-Кантова Человека // Вопросы философии. – 2005. – № 1 – С. 52 – 63.
16. Щербина-Яковлева Е.Е. Миротношение и иррациональность. – Сумы, 1996. – 229 с.

Summary

A. Kosyak. The Synthetic Theory of Man?

The increment of anthropological versions and the absolutes of personal existence, the lack of universal methodological basis and method that enable the interpretation of numerous facts make impossible the image of a “transparent being”.

Рукопис надіслано до редакції 17.12.2007.

Косяк, В.А. Единая теория человека? [Текст] / В.А. Косяк // Сучасна картина світу: Природа, суспільство, людина: зб. наук. праць. – Суми: УАБС НБУ, 2008. - С. 31-38.